

отражение в современном испанском языке. Появились такие понятия *secularización* и *descristianización*, которые показывают процесс перехода Испании к светскому обществу.

3. Влияние религии до сих пор отображается в испанских праздниках. Такие праздники, как Непорочное зачатие девы Марии и день Сантьяго де Компостела – покровителя Испании – отмечаются на государственном уровне. Именем апостола Сантьяго названы три города в испаноговорящем ареале: Сантьяго де Компостела – в провинции Галисия в Испании, Сантьяго-де-Чили и Сантьяго-де-Куба.

4. Влияние религии отражено во многих испанских пословицах: *Llegar y besar un santo* 'очутиться перед закрытой дверью', *hablar el cristiano* 'говорить по-человечески, говорить понятно', *mas contento que unas pascuas* 'быть очень довольным'.

Т.Г.Трофимович (Минск, Беларусь)

СТАРОРУССКИЙ ДЕЛОВОЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ

В современном языкознании обозначилось "перемещение исследовательского интереса с семасиологического на ономасиологический подход: от смысла к способам его языкового выражения" (Л.П.Крысин, 1997). Важность и перспективность исторического аспекта изучения проблем языковой номинации не вызывает сомнений, поскольку без этого полное и адекватное представление о ее современном состоянии невозможно.

Текст, который можно воспринимать как "линейную проекцию речевой деятельности на материале языковых средств, фиксирующую текстовую деятельность в виде вербальной конструкции" и рассматривать как результат языкового процесса (Т.П.Трегубович, Ю.В.Попов, 1984), оказывается важным источником для ономасиологических наблюдений. В этом смысле особый информативный интерес представляют текстовые построения большого объема – макротексты.

"Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649г." известно науке как крупнейший памятник русского права эпохи феодально-монархического строя и важнейший памятник старорусской деловой письменности. Язык его в своей основе был русским с некоторыми вкраплениями характерных черт московского койне (Ф.П.Филин). Объем этого свода законов (25 глав, 965 статей), характер содержания (он претендовал на регулирование всех сторон жизни государства и его граждан) дают основание считать, что русский язык того времени нашел в нем отражение, достаточное для того, чтобы на основании его исследования судить о языке деловой письменности XVII века.

вообще. Этот факт приобретает особую значимость, если учесть, что деловой язык справедливо считается одним из источников современного русского литературного языка (Б.А.Ларин, С.И.Котков и др.).

Текст "Уложения" является ценным материалом для изучения проблем языковой номинации. Прежде всего он свидетельствует о развитости системы номинативных средств языка старорусской деловой письменности вообще и именных, в частности. Названия лиц, документов, земельных угодий, преступлений, наказаний, налогов и штрафов и некоторые другие представлены особенно полно. Например, только названий лиц в этом тексте содержится 217 (названия лиц по профессии, родству, должности; названия, содержащие социально-имущественные характеристики людей; названия участников правовых процессов, жителей, народов, духовенства). Практически весь состав наименований лиц распределяется по этим группам. Ключевое положение занимают названия человек-люди.

Подобным образом структурируются и другие группы универбальных наименований, которые в полной мере потребностей номинирования не обеспечивали. "Уложения" включает большое количество неоднословных наименований типа "имя прилагательное + имя существительное". Обобщенность однословного названия вызвала необходимость его конкретизации. Слово получает прилагательное-определение, выполняющее роль такого конкретизатора. Текст "Уложения" содержит, например, 84 неоднословных наименования с базовым компонентом *люди*, 15 – *дети*, 13 – *крестьяне*, 11 – *холод*, 6 – *голова*, 5 – *вдова*, 5 – *иноземец*, 4 – *стрелец* и др. Подобные наименования также представляют интерес в связи с проблемой их фразеологизации, решение которой возможно только при учете показателей текста.

Язык "Уложения" дает возможность обозначить ряд проблем психолингвистического характера. Прежде всего, это проблема *взаимного детерминизма* слова и словосочетания в механизме номинации. *Существование* в одном тексте названий типа *люди данные – данники, люди служилые – служилые* не только иллюстрирует различные пути семантической конденсации, но и способы импликации и экспликации предметно-ознавательной деятельности в процессе именования.

Особая значимость текста проявляется при изучении проблем номинативной мотивации. Как показывают наши наблюдения, старорусские тексты делового содержания, сориентированные на однозначность толкования и понятность, фиксируют как бы "показания языкового сознания" (И.Блинова), проливающие свет на деривационные связи наименований. Так, например, читаем: *А кто на кого учнет извещати государево великое дело или измену, а того, на кого он то извещает, в то время в лицах не будет, и того извет будет, сыскати и поставити с изветчиком с очей на очи* (Уложение). На основании текстовых данных такого типа можно рассуждать о двойственной

мотивации названия *изветчик* – *извещати* и *извет*. Такие примеры в тексте "Уложение" не единичны.

Анализ того, как в историческом макротексте отражаются сведения о изучении языковой номинации, можно было бы продолжить. Очевидно оказывается то, что "фундамент исторической лингвистики – умение читать текст" (Р.М.Фрумкина, 1990).

О.Н.Шарая (Минск, Беларусь)

ЛЕКСЕМА РОД В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Род – общественная организация первобытнообщинного строя, объединенная кровным родством, это понятие обозначает также принадлежность к ряду поколений, происходящих от одного предка, так и вообще поколения (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990). В духовной культуре восточных славян лексема *род* широко употребляется для обозначения социальной группы (семьи, ряда поколений единичного происхождения); кроме этого, достаточно широко распространено употребление лексем *род* лексемами *куст* и *дерево*.

Вербальный компонент, включенный в структуру календарных обрядов наряду с соционормативными условиями его бытования отражает такое употребление: *Ой, ты калына, мни дорогу завальыла, // Коб я молодая да до роду нэ ходыла, // Я тую калыну посэку, порубаю, // Я до свого роду у гостыню побуваю; Ой, пойду я до броду по воду, // Пэрэвэзы, мыльй, пэрэвэзы до роду. Нэ повэзу, мыла, нэ повэзу до роду, // Бо ж ты роду роскажэш прыгону, Вэлыкая вода уси бэрогы позаймала, // Сэло пэрэйшла, родынонька нэ познала*. Следы родовой организации сохранились в свадебной обрядности белорусов. Регулирование брачных отношений было важной функцией рода, поэтому род занимает активную позицию в свадебной церемонии, что нашло отражение в свадебной поэзии: *Станавіся, родзе багаты, // Дары Надзечку статка рагатым //; Адзывайся, племя, // Да дары княгіню ...; Маладая Манечка // З ганка просіць: // Радзіна мая, успамінай мяне: // Ці рублем, ці другім, // Ці плацэйкам дарагім.*

Как отмечает О.Н.Трубачев, "типичным для славянского и отличающим его от других индоевропейских языков, в том числе и от балтийских, является исключительное употребление в значениях "род, рождать(ся)" местных названий ..." (О.Н.Трубачев, 1957). Возможно, что для славян лексема *род* – более позднее образование и то, что данное слово претерпело целый ряд изменений, обозначало социальное и политическое единство, позже стало этносоциальным понятием.